

СТАЛИН^{*)}

... Пожалуй, ни один человек современности не привлекает к себе такого внимания, как этот сын тифлисского сапожника, готовившийся в священники, ставший правителем революционного государства.

Еще несколько лет назад он мало кому был известен. Сегодня он сидит — невидимый, недоступный, как подлинный восточный властитель — за толстыми стенами Кремля, и в его кулаке зажаты стошестьдесят миллионов человеческих жизней и одна шестая часть земли. Он, вероятно, самый мощный из всех властителей сегодняшнего мира. Нет страны, в которой государственная власть представляла бы собой такую безграничную силу, как в сталинской России. Государство там все, народ ничто. И в государстве сейчас пока все — это Сталин.

Его хотели бы знать и понимать вожди политики, капитаны промышленности и финансов старого Запада, — особенно сейчас, когда молот экономического кризиса тяжело бьет по взрыхленной войной и революциями почве мира, когда рушатся устои старого порядка, и то, что впереди, покрыто полной неизвестностью. Что несет с собой этот человек? Как долго судьба будет благоприятствовать его кажущимся фантастическими планам — и каковы будут эти планы завтра? Что нужно делать? Готовиться к бою или к капитуляции? Вооружать армию, организовывать экономическую блокаду — или заранее договариваться о заказах, о кредитах, о разделе рынков, политического и экономического влияния? Или ничего не делать, отдаться течению, сложить безнадежно усталые руки — и ждать, как неизбежного, кровавой бури, геологических потрясений на Западе?

С затаенным дыханием ловят каждое движение его руки

*) Настоящий отрывок был получен Редакцией за три месяца до выхода из печати книги под тем-же названием.

вожди и чиновники братских коммунистических партий, восточные генералы, самодержцы, народные трибуны и просто проходимцы всех мастей: из этой руки, так тяжело и властно упавшей на тело России, во все стороны сыплется золотой дождь субсидий, пособий, авансов. И в этой руке зажаты штыки многомиллионной, вооруженной до зубов армии, которая может внезапно вознести к власти тех, кто сегодня пресмыкается в подполье.

Тысячи тысяч отчаявшихся в справедливости современного строя людей запада и востока готовы видеть в нем вождя, избавителя, пророка. Тысячи тысяч людей его собственной страны готовы поднять его, как знамя, и нести, и идти за ним куда угодно, на что угодно, только вперед, только на борьбу и на подвиги. И тысячи тысяч других людей, разоренных и измученных его властью, с ужасом и ненавистью произносят его имя, как имя самого страшного тирана.

Одни готовы поднять его на недостижимую высоту. Другие не могут найти слов, достаточно сильных, чтобы его заклеить.

В его собственном окружении его почти никто не любит. Он правит страхом, а не привязанностью. Перед ним все дрожат.

А он, спокойный и неподвижный, с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут и быстро двигаются только глаза, улавливающие каждое движение тела и души окружающих, — сидит в просторном и простом кабинете на Новой площади, в центре делового квартала Москвы. И обычно молчит. Предоставляет говорить и высказываться до конца другим. И только выслушав их до конца, уловив и тайные и явные мысли, он тихо, уверенно, не спеша отдаст приказание, продиктует резолюцию, от которых не редко кое что изменится в жизни миллионов. И при этом он будет улыбаться — всегда одной и той же неподвижной улыбкой. Впрочем, эта улыбка — только маска. Когда он один — маска сходит с лица. Лицо становится серым и мрачным, как тысячелетний камень. Он один знает правду о себе: знает, что он — обреченный человек.

Но это его не страшит. Недаром имя, унаследованное от предков, ничего никому не говорящее, он заменил другим, соответствующим его сущности: Сталин. Это значит — человек

из стали. Это значит — человек такой же твердый и такой же гибкий, как сталь. В своей жизни он не раз вынужден был сгибаться. Но не был согнут никогда. Всегда выпрямлялся — и, выпрямляясь, наносил противнику неожиданный и смертельный удар. Так будет, вероятно, до конца его дней: ни жизнь, ни люди его не согнут. Его можно только сломать.

... Он небольшого роста, плотный, мускулистый. Ему больше пятидесяти лет. Суровая жизнь, тяжелая работа износили и этот организм. Но он всетаки и сейчас еще крепче многих молодых. У него здоровая примитивная натура. Его предки жили простой жизнью, дышали чистым воздухом гор, не были отравлены ядом городской цивилизации, работали больше руками, чем мозгом. У него вместо нервов и сейчас еще воловьи жилы. Правда, лицо покрыто уже морщинами, говорящими о большой и неустанной внутренней работе — и о том, что все, что происходит в этом человеке, постоянным напряжением воли сохраняется внутри, не выносится наружу. Цвет лица уже нездоровый: желтовато-бледный. Под глазами мешки. Но зато на голове над упрямым низким лбом — нетронутая временем густая шапка черных с проседью волос. Над твердым ртом густые черные усы, по восточному свешивающиеся вниз. Подбородок не потерял своей каменной крепости.

В наружности его нет ничего примечательного. Тысячи и тысячи подобных ему внешностью людей бродят по улицам и по проселкам Востока: торгуют фруктами, коврами, женщинами и скотом, погоняют верблюдов и ослов, работают в поле, разбойничают в горах, чистят сапоги. Ему недостает только обрамления восточной одежды: пестрого халата, кавказской черкески.

Одевается он до крайности просто. На нем почти всегда защитного цвета военная форма — без всяких, конечно, отличий. Последнее время, впрочем, он начал носить поддевку, напоминающую те, в каких ходили прежде купцы попроще и зажиточные крестьяне, а на голове картуз. «Лицом к деревне», что ли... И держится он просто. Всюду и везде старается оставаться немного в тени, за другими, не выпячивать себя на первый план. Это — не столько от природы, сколько жест, заученный у Ленина ...

Живет он просто, почти аскетически. Вот это уже от природы. Это то, что свойственно обычно большим честолюбцам, в которых все сосредоточено на одной цели: на власти, как таковой. Им некогда и не к чему растрачиваться на внешние блага, какие может дать власть.

Он живет в маленькой квартирке в Кремле. Прежде в этих двух комнатках жила какая-нибудь прислуга, сторож, вероятно. Одна комната, побольше — столовая. Здесь прежде спал его старший — от первой жены — сын. Потом сын поступил в вуз, перешел в общежитие, — в обычное, грязное и тесное вузовское общежитие, где валялся сначала на полу, потом устроился немного лучше, но и сейчас живет, как все советские студенты — сильно нуждаясь, на скудное пособие. Но сын Сталина не должен иметь привилегий.

Другая комнатка — спальня. В ней помещается он сам, его нынешняя жена, тихая, незаметная, преданная ему молодая женщина, которую все зовут просто: Надя, и их ребенок. Вот и все.

Мебель простая, на окнах белые занавески. У окна в столовой — мягкое кресло. После обеда, иногда по вечерам, он сидит в этом кресле, курит трубку и думает, напряженно думает, морща лоб. О чем? Этого никто не знает. Дома он еще меньше говорит, чем на людях. Во время обеда — полная тишина. Только вилки и ножи стучат о тарелки, да звякает о стакан горлышко бутылки, когда он наливает себе вино. Он привык на Кавказе к вину. Это и трубка — его маленькая роскошь.

На дому у него почти никто не бывает. Редко-редко — по неотложному делу — зайдет кто-нибудь из самых близких людей: Молотов, Микоян, Орджоникидзе. Кто-нибудь, из старых кавказских друзей. Но всегда по делу, никогда — просто поболтать. Этого он не любит, на это нет времени. Да и дома он бывает очень мало. Дела не ждут. — И жена его мало с кем общается.

У дверей его квартиры всегда часовая: без особого разрешения никого не пускают.

Изредка его можно видеть в Большом театре: в опере или балете. Он сидит в боковой ложе партера — в «правительственной ложе» — всегда в глубине, сзади всех, невидимый пуб-

лике. Он любит музыку. Это, пожалуй, единственное его увлечение.

Иногда — последнее время все чаще — он уезжает на несколько дней в одно из загородных имений. Там так же много, как и в Москве, работает. Отдыхает в прогулках, за пианолой. Он любит движение — кавказская привычка. А когда ему впервые привезли пианолу, — он радовался, как ребенок. Изумительное изобретение. Не надо знать музыку — и можно тем не менее разыграть самую сложную вещь. Душа дикаря радуется. Он любит такие чудеса техники. И когда он сидит за пианолой и из под его крепких, грубоватых пальцев выходят любые звуки, те звуки, которые он поставил себе задачей извлечь, ему кажется, что он творит. Техника — великая вещь!...

— Почему, вероятно думает он, жизнь — не та же пианола?...

... Он родился в 1879 г. в Грузии, в городке Гори, Тифлисской губернии. Его семья — крестьяне села Диди-Лало той же губернии.

Под горячим солнцем Закавказья быстро рос и креп. Пас баранов, водил лошадей, стриг виноградник. В свободные часы карабкался по горам со стаей таких же, как он, бесстрашных оборванцев, командовал ими, был их вождем. Это были счастливые годы. Воспоминания о них — почти единственное, что и сейчас, в сегодняшней напряженной и мрачной его жизни, как солнечные пятна падает на душу, согревает ее, сгоняет с лица суровые складки, на минуту освещает его естественной, простой, почти детской улыбкой — и вызывает потребность рассмеяться, пошутить, — грубовато, но незлобиво.

... Потом он учился: сначала в Гори, в духовном училище, потом в Тифлисе, в православной духовной семинарии.

В дальнейшем должен был пасти людей — может быть в родном селе, либо в том же городке Гори. Жизнь была бы размеренная и ясная. Имел бы маленький дом, виноградник, стадо баранов, пугливую и тихую жену, кучу детей. Гортанным кавказским голосом читал бы молитвы, поучал людей, разбира-
рал бы их несложные дела, ссыпал бы в глубокие карманы рясы

потные пятаки, пересчитывал бы кульки приношений. Работал бы до изнеможения в своем собственном поле. А вечером у окна тихо курил бы трубку перед стаканом мутного домашнего вина. Вероятно, отец мечтал для него именно о такой жизни, как о величайшем счастье. И если бы отец был жив, и все в том же селе, и сын приехал бы к нему, сегодня, в расцвете своей необыкновенной судьбы, — старый Джугашвили сказал бы то же, что писал как то отец-крестьянин Авелю Едукидзе, бесшумному секретарю всесоюзного ЦИК-а:

— Бросай все, приезжай домой, садись за дело. Хозяйство разваливается, работать некому, а ты глупостями занимаешься. Дурак!

Осо Джугашвили рано разочаровал отца. Он не хотел быть православным священником. Судьба смиренного служителя религии не привлекала его. Рано начал он задумываться о жизни. Глаза у него были пытливые и широко раскрыты: он вбирал ими не только яркое солнце, синее небо, сочную зелень родной страны. Он видел нищету, рабство, согнутые спины, выжженные слезами глаза. Когда отец переехал в Тифлис и стал сапожником, сын помогал ему иногда в работе. И каждый раз, когда он брал в руки принесенную для починки обувь, она говорила ему то же, что улицы городов и простор полей. Он ставил рядом уродливый башмак бедняка и туфлю — игрушку с барской ноги — и видел перед собой всю контрастную жизнь изуродованного несправедливостью мира. Нет, он не хотел умереть елеем сладкой лжи гнев и скорбь обездоленных!

Но что другое оставалось ему? Под спокойной внешностью трепетала страстная душа: требовала действия, борьбы, подвига. Может быть уйти в горы и стать разбойником? Это тоже было почетным занятием на его родине. И в детских играх он не раз подражал героям родных гор, друзьям бедных, врагам богатых. Но это не было выходом для него. Под низким лбом ровными пластинами лежал практический, уравновешенный мозг. Романтика прошлого была не для него. Так что же тогда? Куда идти? — Он рано начал читать — и много читал. Книги указали путь.

Он не стал ни священником, ни разбойником, но сочетал и

то и другое. Сочетал оба метода воздействия на людей: идейное убеждение и физическое насилие. Стал революционером.

В 1897 г. его исключают из духовной семинарии. В 1898 г. Сталин вступает в Тифлисскую организацию российской социалдемократической рабочей партии. В 1900 г. учреждается тифлиссский комитет партии. Сталин становится его членом, а вскоре и одним из руководителей. В этом периоде он встречается с одним из друзей и приверженцев Ленина, Курнатовским, играющим большую роль в революционном движении Закавказья. Курнатовский знакомит Сталина с идеями Ленина. Вскоре Сталин крепко примыкает к Ленину — и становится уже на всю жизнь священником — воином его религии: якобинского марксизма, русского коммунизма, ленинизма.

... Не ищите в Париже улицы Робеспьера: ее нет. Это имя до сих пор под запретом. Правда, и именем Бонапарта в Париже названа одна из небольших улиц, затерявшихся за Сеной. Но на дворцах нации еще сохранились орлы империи, в судах живет еще кодекс Наполеона, в учреждениях — созданная им система. Каждый шаг по Парижу напоминает его дела и победы. В Париже, как национальная святыня, его прах.

Не было бы Робеспьера — не было б Наполеона. На почве, подготовленной одним, другой построил здание нового мира.

С. Дмитриевский.